

Игорь Осипов
Измеритель
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6691391
Игорь Осипов. Метро 2033. Измеритель: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083780-9

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Казалось бы, чем отличаются руины постъядерного Смоленска от развалин других городов? Камни – они везде камни. Но древний город всегда отличался людьми, которые с упорностью маньяков раз за разом восстанавливали свой дом, поднимали его из пепла. Люди – вот главное в городе. А люди всегда остаются людьми, со своими добродетелями, но и со своими пороками. Ими движут разные чувства, и именно они питают поступки, которые приводят к не всегда благовидному результату. Зло порождает зло. Как это измерить – рецепта нет.

Содержание

Желтая майка лидера	5
Пролог	7
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	39
Часть вторая	46
Глава 7	46
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Осипов

Метро 2033. Измеритель

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

*А мы, взирая в черепа людей,
В своем видении,
Оскал цивилизации
Им пробуем вернуть.*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

«Смоленску повезло: на истертой и обгоревшей карте постъядерной России его открыл Игорь Осипов. Игорь в своей жизни такого повидал, что на несколько романов хватило бы с лихвой; и уж точно знает то, о чем пишет: о пределах человечности, о природе власти, о силе любви. О том, как измерить неизмеримое».
Дмитрий Глуховский

Желтая майка лидера

Докладная записка Вячеслава Бакулина

Ни для кого не секрет, что экстремальные ситуации – а всемирная катастрофа, несомненно, проходит как раз по разряду таковых – обычно раскрывают в человеке те свойства, качества и возможности, которые в обычной, мирной жизни он может не обнаружить в себе никогда. Причем как положительные, так и отрицательные. И вот уже беглый гладиатор громит непобедимые доселе легионы Рима, дипломированный врач становится самым известным в истории человечества революционером, а неудачливый художник – сначала ефрейтором, а потом и фюрером Германии.

Конечно, можно было бы привести в пример и других выдающихся деятелей, ничуть не менее известных или более достойных, но я выбрал именно этих троих неслучайно. Каждый из них достиг того, чего достиг, и навсегда остался в памяти потомков потому, что был вождем. Лидером.

«Лидер» в переводе с английского языка означает «ведущий», «указывающий путь». Именно это качество приходит на ум первым, когда мы говорим о политическом, военном, общественном деятеле, способном управлять другими людьми, побуждать их к действиям и брать на себя ответственность за эти действия. Способном словом и делом зажечь других и повести за собой. Сформировать их мировоззрение или изменить уже существующее, подарить им цель

в жизни, заставив ради нее претерпевать лишения и боль. Пытать и предавать. Без колебаний убивать и отдавать собственную жизнь.

Феномен лидерства берет начало в самой биологической природе человека. Среди любых животных, ведущих коллективный образ жизни, всегда есть вожак – наиболее сильная, достаточно умная, упорная и решительная особь, руководящая стадом или стаей в соответствии с генетическими законами. И главный из них – обеспечение выживания, безопасности, сохранения вида. Разумеется, человеческое общество представляет собой гораздо более сложную систему. Его самоорганизация и развитие не могут (да и не должны) основываться только и исключительно на инстинктах. Четкость выделения позиции лидера, степень его власти и влияния на прочих членов социума будет зависеть от степени взаимной зависимости членов группы друг от друга и взаимоотношений группы в целом с окружающей средой. И чем ниже такая зависимость, чем обособленнее и автономнее отдельные люди, чем безопаснее среда их обитания, тем слабее (вплоть до полного отсутствия) могут быть выражены функции лидера. В нем просто не осуществляется потребности. Зато когда необходимы совместные действия, когда стоит задача, трудновыполнимая или невозможная для одиночки, когда тяжело и опасно... вот тут-то в дело и вступает он. Лидер.

В книге Игоря Осипова вы найдете много лидеров. Совершенно разных по функциям, возрасту, профессиям. Каждый из них, что бы он ни делал, влияет своими поступками, мыслями, суждениями на тех, кто доверяет ему. Любит его. Выполняет его приказы – из чувства долга, из страха, из целесообразности. Именно лидерские качества немногих помогают жителям постъядерного Смоленска не пасть духом. Пережить наиболее страшные первые годы после Катастрофы. Наладить быт. Организовать общество. Соблюдать установленные в нем законы. Принять очень тяжелое, непростое для многих решение. Не бросать попавших в беду. Доводить дело до конца. Все это так. И вместе с тем, выжить в две тысячи тридцать третьем году можно только сообща. Каким бы сильным, волевым, талантливым, харизматичным ни был одиночка, только объединив усилия ради достижения общей цели с другими, он имеет шанс.

И не столь уж важно, лидер ли он.
Куда важнее, насколько он человек.
Впрочем, это было важно – и будет важно – всегда.

Пролог

Копошение этих мелких людишек внизу успокаивало его. Кто он для них – вождь, жрец? Двадцать лет жизни отдано племени с тех пор, как он попал в эти подземелья. Кем он был тогда – одним из оборванных, уставших, израненных, голодных, испуганных? Все пришлось начинать сначала. Карабкаться вверх по телам, по трупам, как в прямом, так и в переносном смысле. Почему он выжил, когда другие умирали от болезней, радиации, драк из-за кусочка крысы, глотка чистой воды? Он не знал ответа на этот вопрос. Судьба... или нет, знал – он очень хотел жить, сильнее, чем другие. И теперь в племени нет никого, кто помнил бы ту, другую жизнь на поверхности. Выросло новое поколение, слабое, мелкорослое, идеально приспособленное для этих узких ходов и лазов и впитавшее в себя ненависть своего вождя. Теперь он на вершине. Он был велик и огромен, а под ногами люди, которые пытаются угадать все его желания... идут на смерть по одному взгляду. Он для них Бог! Хотя почему только для них? Он властвует над судьбами, решает, кому жить, кому умереть, – значит, он Бог. Пока только здесь... в этом подземелье... но это только пока...

Тщедушный старик расправил костлявые плечи. Ажурная металлическая стрела возносила его трон над всем вверх, откуда он... смотрел? Нет, взирал на свои владения! И эта картина не утомляла его, напротив, придавала сил. Божественных сил.

Но не всегда... Серые бетонные стены с множеством проходов, закопченный купол, огромный бассейн, закрытый тяжелой решеткой далеко внизу. Да, дворец не под стать его великой личности. Вокруг суетятся слуги, заглядывая владыке в глаза, но почему же нет удовлетворения у него в душе? Ведь он никогда не был так возвышен, ни во времена до катастрофы, ни в тот момент, когда создавал свое царство. Каждый раз он падал ниже, чем был до этого... раз за разом. И снова возвышался и достигал чего-то, в его понимании, совершенного. Это требовало много времени и всех душевных сил. Потребовало всего его умения влиять, убеждать, плести интриги, а еще невероятного везения, которое сопровождало его на протяжении всей жизни. Результат достигнут, а удовлетворения нет. Почему? Что же гложет его? Слуги с подбострастием заглядывают в глаза и не понимают его недовольства. Один из них подошел, низко склонил голову перед стопами владыки и тут же получил удар божественной ноги от раздраженного хозяина.

Не давала покоя «Великому» обида, нанесенная в незапамятные времена. Все эти двадцать лет он лелеял ее, возвращал, окучивал и нежно берег в своем сердце. Мсть! Это то, ради чего он выжил. То, ради чего жил. То, ради чего снова рвался к власти! То, ради чего стал Богом! Но одна мысль, что он сделает нечто значимое, пускай и страшное, добавляла ему настроения. Он ненавидел всех их... кого? Да всех! Всех, кто живет наверху, откуда его изгнали. Всех без исключения! Да и этих ползающих у его ног тоже ненавидел, да и себя самого, если разобраться. Себя больше всего. Как он опустился так низко, до этой клоаки? Правда, если рассуждать здраво, то, что его сюда привело, – это лишь превратности судьбы. Они даны только для того, чтобы еще больше возвыситься. Это только его везучесть. Он баловень этой особы, она принадлежит ему, она – часть его личности. Он жив, он велик, ему поклоняются.

Бог должен не только вершить судьбы, но и творить. Вот он и сотворил свой народ. Владыка «вырастил» и воспитал его в готовности к большой битве ради мести, ради того, чтобы сердце старика успокоилось, когда он увидит поверженных врагов. Нет, этого будет мало – он хотел бы сам, лично, вырвать их сердца. И даже это не остудит пожар, он еще не придумал достойной кары своим недругам.

Старик подозвал жестом к себе отброшенного ранее в порыве необузданного гнева слугу и снисходительно погладил по лысой голове, вызвав у того подобострастную улыбку и слезы радости, – владыка снизошел до раба своего...

Часть первая Караван

Глава 1 Дом, милый дом

Лес. Как эта картина отличается от той, что он помнил. Парадоксально, но лес – единственное, что сохранилось в памяти Максимыча из той жизни. Яркое впечатление из детства: отец, играющий с ним в мяч, бабочки и мухи, выющиеся среди высокой зеленой травы, и кот Дашик, замерший в охотничьем экстазе. Остальные детские воспоминания были связаны только с бесконечным лабиринтом подземелий бункера, где и протекала вся последующая жизнь. Он не помнил, как попал туда, – не помнил того дня, когда... Вначале он считал, что люди всегда жили именно так, а память о ласковой лесной полянке воспринимал как детскую фантазию или приятный сон. Это уже потом, когда он пошел в устроенную взрослыми школу, ему рассказали о светлом мире до катастрофы... Нет уже Дашика, только его потомки расселились по всему огромному подземелью. Нет зеленой травы, а вместо безобидных насекомых смертоносным роем носятся членистоногие «пираньи», пожирающие все на своем пути.

Максимыч замер и тревожно огляделся. Не буди лихо, пока оно тихо. Страшный и странный мир. В одну секунду охотник может превратиться в добычу, тем самым давая шанс жертве. И трудно понять, кто ты в данный момент – охотник или уже добыча.

Он почувствовал погоню на перекрестке возле ледового дворца. Сильно зачесался затылок, будто ремни маски респиратора перекошились и нестерпимо давят в одну точку черепа. Сталкер знал это чувство – упершийся тебе в спину взгляд хищника, пробуравливающий насквозь, словно оценивающий, достойна ли эта тушка ходячего мяса того, чтобы потратить энергию для охоты. Не было смысла озираться и искать эти колющие глаза. Как ни вглядывайся, волколак не покажется, пока не будет полностью уверен, что добыча ему по зубам. Осторожная тварь. Осторожная и коварная. Максимыч внимательно оглядел руины многоэтажки – нет, там его не окажется, слишком высоко для прыжка и большой открытый участок. Человек скинул автомат с плеча и шагнул ближе к центру свободной площадки, и тут же со стороны остатков закругленной крыши ледового дворца послышался глухой недовольный рык.

– Вот где ты себе дом завел... какой ты, оказывается, любитель холода и просторов. – Максимыч направил автомат на заплетенные лианами стены и медленно, не спуская с них взгляда, попятился к сваленным в кучу бетонным панелям. Обидно, дошел без приключений от самого Кривича, а теперь придется задерживаться, да еще и тратить драгоценные патроны, когда до дома осталось не более часа спокойной ходьбы. Темная тень мелькнула метрах в двадцати и растворилась среди причудливо скрюченных деревьев. «Здоровая псина, почти полтора метра в холке. Полосатый окрас, на манер тигрового, полностью скрывает его в джунглях города. Голова, как у наших телят, а глаза... не глупые и наивные, а внимательно изучающие и оценивающие, готовые в одно мгновение превратиться в пару демонических огней».

– Что ж мне с тобой делать? – Максимыч прикинул возможные пути отступления. Напрямик не выйдет – и ойкнуть не успеешь, как почувствуешь клыки на загривке. Закон природы – бежит, значит, добыча. Нет, браток, тут ты не угадал, дорого тебе эта добыча достанется, если вообще достанется, конечно. Повесив автомат на шею, достав из ножен за

спиной и поудобнее перехватив отцовский тесак, который тот почему-то называл смешным и непонятным словом вакидзаси, громко завывая на манер атакующего летающего ящера, чтобы смутить противника, Максимыч кинулся прямо туда, где только что промелькнуло тело хищника. Узкое, но острое, как бритва, лезвие с легкостью рассекало перегораживающие путь тонкие стволы лиан, а наградой сталкеру был скулеж волколака, улепетывающего с дороги «ужасного» врага. Не останавливаясь и не снижая скорости, Максимыч повернул в сторону бункера. Метров двести—триста он выиграл, но не больше, и второй раз такой трюк не пройдет. Зверь осторожен, но не глуп. Надо использовать с умом отвоеванную фору. Максимыч еще ни разу не слышал, чтобы волколак, пускай, судя по повадкам, и неопытный, отказался от охоты. Надо что-то придумать, не тащить же за собой этого людоеда в окрестности бункера. Хотя отсюда до него не больше пары километров, сам найдет. В этот момент на плечо прорезиненного комбинезона, раскрашенного в защитные цвета, уселся термит. Пятисантиметровая букашка, сложив крылья, заинтересовано уставилась на разноцветный «листочек», пахнувший резиной, даже «попробовала его на зуб», противно заскрежетав хитиновыми жвалами по металлической застежке. Только этого не хватало! Если это разведчик, то где-то здесь должен быть и термитник. Стараясь не привлекать лишнего внимания, а тем более не раздавить насекомое, Максимыч осторожно повернул голову назад. Вот он, красавец. Мимо прошел и не заметил – похож на старый гриб в рост человека. Термит покрутился на месте и, оценив объект посадки как несъедобный, громко жужжа, полетел к своему «дому». И слава богу: если раздавить такого – запах мертвого собрата привлечет весь рой, и тогда не спасет ни костюм, ни химия, лежащая в рюкзаке, ни оружие. Стараясь ступать как можно медленнее и тише, сталкер удалился от гигантского «сморчка» и, кинув последний, уже «прощальный» взгляд на термитник, вперился в глаза волколака.

Зверь окончательно осмелел и, прижавшись к земле, подкрадывался, не спуская взора с человека, но, встретив взгляд Максимыча, замер с поднятой передней лапой, как раз поравнявшись с термитником. Тут-то хищник и допустил непростительную ошибку. Уже улетающий термит-разведчик сделал крюк, чтобы обследовать новый объект, появившийся в поле зрения. Волколак, на секунду отвлекшись, резким движением мощных челюстей раздавил надоедливое насекомое, кружащееся перед его черным блестящим носом. В тот же миг «сморчок» загудел, как перегруженный трансформатор. Из множества его пор вылетела туча сородичей погибшего. Крутящийся и завывающий от боли и ужаса комок шерсти катался по полянке. Облепленный термитами, залезающими ему в нос, рот, уши, волколак отчаянно отбивался от вгрызающихся в его тело насекомых, но они кусали, впрыскивая в кровь смертельный яд. Постепенно движения его стали скованными, и, наконец, зверь рухнул на землю, полностью покрытый тысячами насекомых, продолжающими пожирать тело поверженного врага. С начала атаки не прошло и пары минут, а плоть пса исчезала в утробах прожорливого роя прямо на глазах.

Все это время Максимыч стоял неподалеку, боясь шелохнуться, чтобы не привлечь внимание этих «пираний». Конечно, он и раньше находил следы пиршества термитов, но чтобы быть приглашенным на обед... Сталкер еле сдерживал себя, чтобы не ломануться, не разбирая дороги, через заросли, но одинокие насекомые ползали по земле, и, стоит раздавить хоть одного, вся это стая накинется на десерт. Перспектива стать десертом не радовала, и Максимыч терпел, игнорируя особо наглых термитов, исследующих его сапог.

Насытившийся рой постепенно втянулся в свой термитник, оставив после себя добела обглоданный скелет волколака, а Максимыч еще несколько минут внимательно рассматривал землю, пока не решился осторожно удалиться от места трапезы.

Почти дома – вон впереди показался оплетенный выюнами и лианами, когда-то ярко-рыжий, а сейчас поблекший и проржавевший трамвай. Значит, до входа в убежище осталось немного. Это уже территория обитания людей. Крупные хищники сюда не заходят. Но,

вспомнив встречу с юным волколаком, облюбовавшим себе охотничьи уголья рядом с человеческим жилищем, Максимыч не стал бы утверждать это так уверенно. Пришел один, придут и другие. Теряет город свои границы – природа отвоевывает обратно исконные территории. Теперь этот разросшийся парк, захвативший в свои сети все окружающие его дворы, уже называется лесом. Раньше здесь жили люди, а теперь руины домов лишь смутно угадываются среди исковерканных стволов, да едва видны остовы автомобилей, совсем скрытые под лианами и вьюнком.

Максимыч подтянул на плечах лямки увесистого рюкзака, смахнул грязь с прицельной рамки старого автомата и размеренным шагом направился в сторону уже выступающих из-за деревьев руин Измерителя. Как бы ни хотелось, но быстрее нельзя. Внимание притупляется перед самым порогом дома: тут-то тебя и сцапает какой-нибудь наглый юный ящер, еще не познавший силу огнестрельного оружия.

Отец всегда ворчал перед его выходами на поверхность, но ничего поделать с этим не мог. Максимыч был лучшим сталкером. Ну, если не лучшим, то, по крайней мере, самым везучим – это точно. И если он не справится с задачей, то кто тогда – постаревший Александр Латышев? Он, конечно, большинству молодых до сих пор может дать сто очков форы, но на дальние переходы его уже не хватает – сказывается старое ранение, да и дозу он получил в первые годы немалую. В конце концов, ему уже сорок... или около этого. Давно пора на пенсию. За то, сколько сделал «старик» и скольких воспитал, Сенат пожизненно должен кормить его от пуза и поить до икоты, и то вряд ли расплатится. Максимыч улыбнулся, вспомнив про наставника. Друг отца был, наверное, вторым родителем, а если вспомнить, сколько раз он вытаскивал молодую неразумную голову Максимыча из лап смерти, то и первым. Уж Максимыч точно будет его кормить и поить и отдаст последнюю рубашку, если даже все убежище от него отвернется. В конце концов, двадцать пять лет – это зрелый возраст для сталкера, и никто ему не указ, чем заниматься, даже отец, пускай он и член Сената объединенных убежищ. Хотя батя сам за своего друга Сашку порвет любого, несмотря на то, что доктор. Наставник ему как младший брат, с первых дней сошлись. Столько всего нахлебались вдвоем, что уже и не разберешь, кто кому чего должен, – как одно целое стали. Он и за воспитание малого Максимки взялся, так сказать, по дружбе, и уже потом, скорее, по инерции, стал обучать его всему тому, чему научился на собственной шкуре, чтобы молодой да горячий пацан не набил себе шишек. Ибо ошибки в этом мире оплачиваются по высшему разряду, и «шишки» могут не то чтобы не успеть зажить, но даже вздуться. Да, когда-то Максимка, или Масик, как его до сих пор зовет мама, теперь для всего убежища «Максимыч». И это уважительное прозвище не дань почтения отцу, занимающему высокий пост, это его собственная заслуга. Его пот и иногда даже кровь. Его часы и дни, проведенные на поверхности, и неисчислимое количество полезных вещей, найденных и принесенных в бункер.

Когда-то тут была граница жилой зоны и начиналась зеленая полоса, превратившаяся ныне в непроходимое болото. К заводам, точнее тому, что от них осталось, вела одна-единственная дорога – чистое асфальтовое покрытие с двумя полосками блестящих, даже не проржавевших трамвайных рельсов, представляло собой яркий контраст с окружающей разрухой и запустением. Максимыч очень не любил это место, пересечь его было делом минуты, но он всей кожей ощущал опасность. Даже не потому, что оно было открытым, – пройдя невидимую границу, сталкер испытывал необъяснимый ужас, от которого волосы вставали дыбом. И хотя за все время, пока существует эта Ведьмина плешь, ни на ней, ни рядом с ней ничего душераздирающего не произошло, все сталкеры старались быстрее ее проскочить. Обойти это место было нельзя – гладкое, словно только что уложенное, дорожное покрытие слева и справа окружено сплошным бульканьем и хлюпаньем, и в своем уме никто не сунется проверять болото на проходимость. Почему дорога чистая? Многие задавались этим вопросом, но разумного объяснения никто не нашел. Радиационный фон на участке прием-

лемый, не выше, чем в других местах, химического загрязнения тоже не обнаружено, но на протяжении сотни метров простирается ровный серый асфальт и ни одной травинки, а затем – словно прочерченная по линейке граница, за которой буйствует природа, будто хочет отыграться за свое унижение в виде лысой полосы. Какой-то умник, начитавшийся древних фантастических книжек, предположил, что в этой зоне появился темпоральный пузырь, – время как бы остановилось и законсервировало все в нем находящееся. Народ вначале крутил пальцем, говоря, что, мол, дочитался ты, брат, пошел бы лучше морковку прополоть или за телятами убрал, все ж больше пользы, но затем пытливый ум сталкеров нашел способ проверить и эту гипотезу. Латышев, проходя через Ведьмину плешь, как-то оставил там свои механические часы. Тогда еще юный Максимыч, ходивший за ним везде, как тень, очень удивился и даже высказал предположение, что вряд ли наставник их после этого увидит. На что Сан Саныч просто отмахнулся. На обратном пути они подобрали сиротливо лежащий прямо посреди дороги прибор и с удивлением обнаружили, что за три часа отсутствия владельца стрелка сдвинулась лишь на несколько секунд. Но в любом случае факт замедления времени на этом участке не объяснял того, почему так хочется, выпучив глаза, бежать без оглядки и забиться в первый попавшийся схрон. Охарактеризовав показания прибора емкой научной фразой: «Хрень какая-то!», Саныч выдал практическое заключение, что раз плешь не опасна, значит, и не фиг на нее время тратить. На этом научные изыскания завершились, а умника действительно отправили на сельхозработы, чтобы он своими гипотезами смущал только неокрепшие телячьи умы.

Быстро пробежав по чистому асфальту, а затем осторожно пробравшись по заросшей дороге, парень, наконец, выбрался на перекресток. Подмигнув светофору, который, как старый знакомый, выглядывал из переплетений ветвей исполинского тополя, выросшего прямо посреди проезжей части, он свернул налево и скрылся среди холмов, в которые превратились руины главного корпуса завода «Измеритель». Миновав эту последнюю преграду, Максимыч очутился в объятиях цивилизации. Мирно и размеренно поскрипывали лопасти ветряков, еле заметный дымок поднимался из вентиляционной шахты над кухонным сектором. Дошел!

Дозорные узнали Максимыча по амуниции и приветственно замахали руками из-за укреплений, огораживающих территорию бункера. Сталкер поднял автомат. Этот опознавательный жест, появившийся еще во время старой войны, говорил, что к посту подходит человек, не желающий зла поселению. Ворота открылись, пропуская сталкера внутрь. Начальник внешнего дозора Денис Торгачев, добродушно улыбаясь, лично встречал путника у ворот.

– Привет, Максимыч. Как разведка? Вижу, сходил хорошо.

– Здоров, сержант. А ты все наверху... не сидится тебе в бункере.

– Ты ж знаешь, не люблю я подземелий. Мне лучше, где солнышко, птички чтоб... – Сержант обнял «блудного» сталкера.

– Где это ты птичек видел? Меня тут одна возле «Кривича» гоняла-гоняла, пока я ей клюв свинцом не начистил. Улетала она крайне недовольная, – Максимыч стянул с лица маску респиратора. – Неужто сюда полетела на меня жаловаться?

– Да нет, бог миловал. Последний раз ящер сюда пару месяцев назад залетал. И то покружил, мы в него пальнули для остротки, так он и полетел себе. А вот волколак недавно заходил... любопытствовал. Наверное, соседей проверял. Новостей не много. Еще один сталкер пропал. Из молодых. Может, знаешь – Лехой звался?

– Помню. Нашли?

– Тут не все понятно. Нашли, что от него осталось, недалеко от собора. Волколак подрал, но вот что странно, ни оружия, ни снаряжения при нем не было. Может, конечно, бросил, когда удирал... – Денис пожал плечами.

– Нашел все-таки... – Максимыч сокрушенно покачал головой. Он помнил этого молодого улыбчивого парня. – Ну, не волнуйтесь, больше никого не задерет... термиты его схомчили, тут недалеко, – Максимыч стянул с плеч тяжелый рюкзак.

– Термиты? Один сосед краше другого, – Денис сокрушенно покачал головой. – Ладно, Максимыч, потом расскажешь. Ты нам, когда по рации сообщил про бункер под «Кривичем», тут такая движуха началась. Сенат собрался – только тебя и ждут. Иди вниз, отец уже пару раз поднимался, спрашивал про тебя – волнуется.

– На то они и родители, чтобы волноваться, – прощально махнув сержанту, сталкер направился к внешним дверям убежища. Спустившись по ступенькам, он трижды стукнул по внутренним гермоворотам и отошел на шаг, дождавшись, пока тяжелая створка отворилась, пропуская его в человеческий мир. И тут же попал в объятия двух человек: отца и Саныча.

– Тихо, сладкая парочка, раздавите... да отстаньте, я еще комбез не снял, оружие не сдал, – слабо сопротивляясь, пытался он вылезти из объятий двух бугаев.

Латышев отпустил воспитанника и по-медвежьи ткнул в плечо кулаком.

– Ты нам еще лекцию о безопасности прочти. Видал, Максим, яйца курицу учат. А ведь совсем недавно мозоли на языке набивал, вдалбливая в него эти знания.

Отец отпустил сына и добродушно улыбнулся.

– Ладно, иди, сдавайся, мы потерпим. Но только недолго. И готовься, тебе еще мать порцию своей любви выпишет.

Потирая ноющие от выражения родственной любви бока и глупо улыбаясь своим мыслям, Максимыч направился в оружейку. «Кладовщик» Никита ловко подхватил крюком своего протеза ремень автомата и вставил оружие в ячейку шкафа, после чего вопрошающе уставился на рюкзак.

– Не-не, это для Сената – образцы товара.

– А химия, дозиметр? – Никита не собирался отступать. Подотчетная снаряга «висела» на нем, в этом он был занудлив и щепетилен до крайности. Но, скорее всего, не праздное любопытство его разбирало и не любовь к порядку вдруг охватила.

– Никит, ты ж меня знаешь. Разгрузься, все занесу. У меня, как в сейфе. – Максимыч вручил кладовщику разгрузку и сложенный костюм, затем сгреб торбу. – Не обижайся, не могу пока тебе показать.

Тот обидчиво поджал губы, но промолчал. Всем было известно, что Никита нелегально приторговывал вещами с поверхности. Что греха таить, Максимыч сам приносил ему некоторые вещи на реализацию, но сейчас не тот случай. Обнаружен обитаемый бункер, даже Сенат собрали, какой уж тут черный рынок?

За дверью оружейки его ждала почти половина Сената. Возле отца и Саныча, вальяжно опираясь на стену, стоял огромный Еремин, а рядом, как каменная стена, перегораживал своими широченными плечами весь проход «главком» Васильев.

– Ого! А чего такой почет? Практически весь генштаб в полном составе – союз с «Кривичем» очень важен?

– Да уж, что скрывать, заждались. Идем в комнату заседаний, остальные уже там. – Еремин оторвался от стены и первым свернул в переход, ведущий в основное убежище.

– Когда великие решают наши судьбы, маленьким людям лучше не вмешиваться. – Саныч еще раз ткнул в плечо воспитанника и дипломатично ретировался.

Отец обнял сына, и они вдвоем вошли в коридор, соединяющий два убежища. Короткий проход, выложенный кирпичом и бетонными блоками, вывел их в широкий поперечный туннель, уводящий куда-то далеко на юг, а напротив открывался новый, похожий на предыдущий, как брат-близнец. Остановившись на «перекрестке», Максимыч окинул взглядом освещенный туннель. Вот она – дорога жизни выжившего человечества, теперь соединяющая несколько убежищ бывшего промышленного комплекса города в одно государство.

На севере туннель, заблокированный обвалом, был превращен в огромную животноводческую ферму. Со всех ближайших к городу уцелевших деревень давным-давно привезли, привели или даже принесли на руках всю уцелевшую живность. Выходили, вырастили, и она, в благодарность за многие годы, расплодилась. Скотина и участки для посевов в бывших цехах стали основным сельскохозяйственным богатством бункера.

Глава 2

Сенат

Зал Сената отличался аскетическим убранством. В просторном помещении полукругом стояли сколоченные из досок скамейки, оставляя открытым пространство по центру. Такое расположение не давало ни одному члену собрания никаких преимуществ, а выступающий размещался в центре импровизированного цирка, за небольшим столом. Это было удобно, так как можно разложить бумаги или что-то продемонстрировать. Члены Сената объединенных убежищ выбирались путем прямого голосования, исходя из количества проживающих в том или ином бункере. Всего жилых бункеров было четыре. Самый большой, представленный пятью делегатами, – бункер «Измерителя»; трех человек избрали от бункера гидроэлектростанции, за которым укрепилось название «Тэцовский». Двое было от бункера завода «Радиодеталей» – его пустующее помещение восстановили после пожара, а затем заселяли, в основном, выжившими после катастрофы людьми, найденными на поверхности. И последний, самый малочисленный – бункер «Кристалла», – представлял один человек. Все члены Сената имели право голоса, решения принимались прямым открытым голосованием. Несколько старомодное республиканское правление позволяло избегать ненужных трений в государстве. Все понимали, что в одиночку никакое убежище не выживет, поэтому суверенитета никто и не просил. В одном – «Измерителе» – сплотились основные людские ресурсы, сельскохозяйственная и промышленная база. В другом – ТЭЦ – основные источники энергии. В бункере «Радиодеталей» были оборудованы цеха легкой промышленности, производившие одежду, обувь и предметы ежедневного обихода. Ну, а «Кристалл», изначально служивший базой вневедомственной охраны завода, был оплотом военной мощи нового государства. В нем находились основные склады боеприпасов и оружия, а также проживал личный состав вооруженных сил Объединенных убежищ. Разделение функций служило залогом крепости союза.

Долгое время между убежищами сохранялись бартерные торговые отношения, что осложняло расчеты. В конце концов, Иван Завьялов, вспомнив, что он когда-то получил высшее экономическое образование, предложил не изобретать велосипед, а ввести в обращение денежную валюту. Для этого сталкерами была собрана огромная масса монет различного номинала. Бумажными банкнотами решили не пользоваться ввиду их недолговечности. Так как экономика создавалась с нуля, стоимость монет значительно повысилась. Денежную массу тщательно пересчитали и разделили между всеми бункерами согласно количеству проживающих граждан. Конечно, существовал риск появления новых монет, но Сенат здраво рассудил, что их масса будет несущественной и пагубного влияния на экономику объединенных убежищ не окажет. Денежный оборот существенно облегчил расчеты между людьми, стали процветать частная торговля и мелкий бизнес. Цены на товары и услуги установились очень быстро, в зависимости от спроса. Всем «государевым людям» выплачивали заработную плату, согласно выполненным работам или занимаемой должности. За двадцать лет новая система набрала силу и стала процветать почти как государства в старые времена.

Максимиш остановился в дверях зала заседаний, разволновавшись, как девица, перед рассевшимися на своих местах Сенаторами. Отец тихонько подтолкнул его к столу, шепнув: «Тебе туда... не дрейфь», а сам прошел на свободное место. Одиннадцать сильных мира сего внимательно смотрели на молодого сталкера. Правда, он всех знал: пятерых – в лицо, а остальных – очень близко. Убежища, несмотря на их удаленность друг от друга, все равно были довольно тесной «деревней». Васильев и Еремин были частыми гостями его дома. И иногда Максиму казалось, что эти два бугая всегда были рядом, что и определило в последующем его выбор военной службы. Сергей Трофимов появлялся редко, так как проживал